

НАТАЛИЯ ЧЕРНЫШ,

доктор социологических наук, заведующая кафедрой истории и теории социологии Львовского национального университета им. И.Франко

ОЛЬГА РОВЕНЧАК,

аспирантка, ассистент кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета им. И.Франко

Вариации на тему идентичности для социокультурного оркестра¹

Abstract

The article concretizes an application of sociocultural approach to the identity studies in sociology. It analyzes the works of Ukrainian and foreign researchers concerning the identity studies within this approach. The authors emphasize contemporary reidentification processes and gaining the newest identities under global transformations.

Тематика, связанная с проблемой идентичности в современном мире, очевидно, не относится к числу малоизученных, забытых или маргинальных в нашей научной среде, как, впрочем, и у наших коллег из ближнего и дальнего зарубежья. Однако мы выбрали эту тему, исходя из более широких перспектив, которые открывает в ее исследовании именно социокультурный подход. Предлагаемая здесь статья — третья в цикле и служит конкретизацией возможностей данного подхода в социологических исследованиях едва ли не самого болезненного контрапункта нынешнего дня. Этот контрапункт, или полифоническое звучание темы идентичности в сочетании разных мелодий, сопровождает сегодня и жизнь рядового человека, и жизнеде-

¹ Статья продолжает разработку темы авторского цикла «Социокультурный подход в социологии в целом и в исследованиях идентичности в частности» [см.: 1].

тельность общности, и попытки современного самоопределения целых государств и народов мира. Давайте прислушаемся к этим мелодиям; многие из них пока кажутся нам незнакомыми или странными, но инструменты настроены, музыка звучит, оркестр в составе исполнителей из разных стран мира исполняет великую сюиту современности, где дирижер — сама жизнь.

Прежде чем рецензировать зарубежных участников этого условного оркестра, прислушаемся к украинским парафразам очерченной темы. В отечественной социологии степень разработанности проблематики, связанной с идентичностью, впечатляет прежде всего с количественной стороны. В.Арбенина, которая все годы проведения Харьковских социологических чтений компоновала научные сборники работ их участников, в анализе представленных сюжетов приходит к выводу о том, что круг популярных среди отечественных социологов тем охватывает, среди прочих, проблемы социальной идентификации во всех ее разновидностях [2, с. 174]. В целом соглашаясь с ней, заметим, что, на наш взгляд, количественные показатели не всегда непосредственно обуславливают качество научных исследований. Имеется в виду, что примечательной чертой многих публикаций по теме идентичности является их узко эмпирический характер; вместе с тем нередки также попытки слишком абстрактного рассмотрения идентичности, ее внепространственные и вневременные толкования. В обоих этих случаях авторы часто избегают артикуляции своего исследовательского методологического кредо, очерчивания тех базовых теоретических оснований и предметного поля, в рамках которых они ведут свой научный поиск. Изложению полученных в ходе собственных конкретно-социологических исследований результатов далеко не всегда предшествует описание программы и исследовательских технологий (хотя, заметим, такое описание является не просто общепринятым, но и обязательным требованием к выступлениям, например, на зарубежных социологических конгрессах и конференциях и публикации таких результатов в научных журналах). “Догоняющий” характер развития нашей социологии часто сказывается в парафразировании и перепевах устаревших научных положений западных концепций и в настойчивых попытках аппликации их на украинской почве — к украинским реалиям, украинской мелодике. Несмотря на множество разнообразных идентичностей, внимание наших исследователей приковано, как правило, к отдельным из них, и прежде всего к этнической, национальной, языковой, тогда как другим (и традиционным/примордиалистским, и новейшим) уделяют лишь спорадическое или фрагментированное внимание. В итоге вместо оркестрового полифонического звучания мы длительное время были обречены слушать сольные выступления отдельных исполнителей на двух-трех инструментах, которые, впрочем, обычно исполняли одни и те же мелодии.

Кроме приглашения к ознакомлению с современными теоретическими и исследовательскими работами наших зарубежных коллег, хотим подчеркнуть, что следует быть предельно внимательными к тем их положениям, которые на первый взгляд кажутся адекватными украинским реалиям. К примеру, сейчас центр научного интереса и отечественных, и зарубежных социологов концентрируется вокруг этнической/национальной и этнополитической разновидности идентичностей [3, с. 41], но у нас это обусловлено продолжающимися процессами национального и государственного строительства, а в развитых странах — глобализацией с ее разрушительными по-

следствиями для национальных государств и этнических культур. По этому поводу А. Кофлер замечает, что сегодня для западных ученых высший статус в иерархической модели идентичностей имеют прежде всего этническая и гендерная, тогда как еще в 70-х годах XX века эту иерархию возглавляла классовая идентичность [4, с. 14]. То есть здесь мы имеем дело с одинаковыми последствиями разных причин, разведенных во времени: актуализация, к примеру, этнической идентичности в современной Украине является ответом на те задания, которые развитые страны уже давно для себя выполнили; но ирония судьбы заключается в том, что в западных странах на пороге XXI века неожиданно начался ренессанс всего этнического, включая поворот ученых к сюжетам, с ним связанным. Российский исследователь И. Семененко, ссылаясь на А. Турена, так описывает эту якобы неожиданную ситуацию: тенденция к реставрации этнических символов, местных традиций и культурных особенностей как гарантов устойчивости идентичностей обуславливается, наряду с вызовами глобализации, еще и решением многих социальных проблем и улучшением социальных условий: когда страны Запада решили “социальный вопрос”, там вновь встал вопрос национальный, *вернувшийся* в виде дебатов об идентичности [5, с. 10]. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с проявлением темпорально-колебательной динамики, когда определенные социальные феномены возвышаются в своем общественном значении, затем утрачивают свою актуальность, чтобы через какое-то время снова стать насущными. Кроме того, следует помнить об историческом характере изменений содержания такого понятия, как идентичность во всех ее разновидностях: так, этническая идентичность эпохи формирования национальных государств, очевидно, отличается от этнической же идентичности эпохи глобализационных влияний, а классовая идентичность молодого класса буржуа, зарождающегося в Западной Европе, должна была существенно измениться у представителей современной буржуазии. Это касается также реконструкции и интерпретации других социокультурных феноменов, даже таких устойчивых, как традиции или религия: традиционные установки и религиозные ценности переосмысливаются и приспосабливаются к новой реальности. И, наконец, параллельно с актуализацией того или иного социокультурного феномена в историческом времени и пространстве вновь проблематизируется и его исследовательское осмысление.

Идентичность, которую не без иронии называют кормилицей многочисленных отрядов исследователей, с момента ее проблематизации в период Нового времени успела накопить вокруг себя солидный багаж научных разработок в различных школах и направлениях, включая социологические. Избегая экскурсов в прошлое (где тему идентичности начинали осмысливать представители двух социогуманитарных наук — психологии и социологии), остановимся на главных новейших социологических парадигмах, в рамках которых возможен научный анализ проблемы идентичности.

В рамках **структурной парадигмы** в социологии идентичность, как правило, рассматривается в нескольких аспектах. Исследуют структуру этого духовно-практического явления с выделением в ней личностной, социальной, культурной составляющих; создают классификации и типологии идентичностей; концентрируют внимание на иерархии, к примеру, социального компонента идентичности; изучают индивидуальные, групповые, социальные разновидности идентичностей на микро-, мезо- и макроуровне;

отслеживают функции, которые выполняет идентичность в обществе; анализируют социальные роли, сформированные из разных комбинаций идентичностей; определяют выпуклые, базовые, периферийные и маргинальные идентичности и т.п. Отдельные сюжеты в рамках этой парадигмы позволяют представить сложную взаимосвязь между идентичностями, социальными группами и социальной структурой. В рамках конфликтологической социологии приоритет сегодня принадлежит уже не проблемам конфликта классов, доминировавшим в XX веке, а теме конфликта идентичностей, являющейся конкретизацией проблемы конфликта ценностей в современных развитых странах, который Р.Инглхарт называет главной осью поляризации западного общества [6, с. 254].

Интерпретативная парадигма в социологии также имеет специфические особенности в анализе идентичностей. Безусловным лидером здесь остается символический интеракционизм, представители которого были пионерами в социологической интерпретации этого феномена. Версия идентичности в символическом интеракционизме вытекает из разделения личностной структуры на “Self” и “me”, предложенного Дж.Мидом, и трактовки идентичности как социализированной части “Я” (me) в ее соотнесенности с самостью (Self). В работах Э.Гофмана и П.Бергера идентичность считается “социально даруемой, социально делящейся и социально меняющейся” [7, с. 288]. Но и в рамках этого направления происходит постепенная смена акцентов, вызванная потребностями времени. Уязвимым местом символического интеракционизма была концентрация внимания прежде всего на социальном содержании идентичностей; и хотя это было понятно в ситуации состязания с психологической версией рассмотрения процессов идентификации, однако при этом почти не учитывались культурные аспекты социальных взаимодействий. Феноменологическая социология в поисках смысла духовного взаимодействия тоже часто сосредоточивается на идентичностях как одновременно и предпосылках такого типа взаимодействия, и его результатах. Эта разновидность интерпретативной парадигмы закономерно концентрируется на идентичности, поскольку последняя принадлежит к сфере смыслов и является продуктом не только культуры, но и повседневности.

Существенное и все более важное место проблема идентичности занимает во многих современных теориях, которые, возможно, и далеки от статуса парадигм, однако играют заметную роль в социологических рефлексиях современности. Например, свою специфику имеет **постмодернистская социология**, в которой ударение ставится на утрате традиционной идентичности, на расшатывании, а то и разрушении ее целостности, на ее децентрализации. Скажем, у Ж.Делеза проблема идентичности индивида превращается в проблему идентичности дивидуала, Ш.Муф акцентирует альтернативность, постоянно угрожающую идентичности, а А.Крокер отдает предпочтение исследованию современной “панической культуры”, в которой происходит утрата традиционных форм субъективности и репрезентации. В специальной работе С.Леша “Социология постмодернизма” рассматривается очень интересный исторический процесс изменения идентичностей рабочего класса и буржуазии с выделением в нем двух взаимосвязанных моментов децентрализации: на уровне индивидуальной и на уровне коллективной идентичности этих классов. Он же подчеркивает, что в результате влияния постмодерной культуры прежняя “метаколлективная идентичность” дейст-

вительно была подорвана, следствием чего явилось не формирование “частнособственнического индивидуализма”, а становление новых, более локализованных коллективных идентичностей, основанных на бытовых отношениях или локальных общностях [8, с. 38–41].

Теории постиндустриального общества тоже имеют свои особенности в анализе идентичностей и отдельного человека, и определенных социальных общностей, и общества в целом. Аналитики, представляющие эту группу теорий, подчеркивают, что производство материальных благ сменяется производством услуг и знаний, а фабрика перестанет играть главную роль в нашей жизни и как производительная сила, и как модель для социальных институтов общества [9, с. 453]. Основной мотив в трактовке идентичностей в период постиндустриального развития заключается в прослеживании процессов “одухотворения” производства и экономики культурой (по выражению Ф.Фукуямы [10, с. 160]), так же, как и их результатов. Таким образом культурное проникновение затрагивает и эти сферы жизнедеятельности общества и работающих в них людей, вызывая ощутимые изменения в их самочувствии, поведении и практиках идентификации. В условиях, когда капиталом считаются не сугубо материальные ценности и деньги, а и знание и информация, происходит также сдвиг от традиционных материальных ценностей к ценностям нематериальным [11, с. 217–222; 12, с. 348]. О.Тофлер, например, говорит о времени, когда компаниям придется действовать в ситуации все более обостряющегося конфликта ценностей между общественными группами [9, с. 458]. Этот процесс сопровождается внутренними изменениями по отношению к производителям еще недавно устойчивых идентичностей: так, на смену идентичности пролетария сегодня приходит новая идентичность просьюмера или представителя когнитариата (в отличие от пролетариата); место социальной фигуры наемного рабочего занимает идентичность “трудящегося-для-себя”, столь метко охарактеризованная У.Бекон [13, с. 260]. П.Бергер описывает создание новых профессиональных культур, что обуславливает и соответствующие поиски новых идентичностей представителями верхушки современного бизнеса или работниками среднего звена управленческого персонала (речь идет о так называемой Давосской культуре и культуре яппи-интернационала) [14]. Все это предполагает сильную идентификацию как с потребностями других, так и с трудом, что с необходимостью сказывается на ходе современных процессов идентификации в этой сфере, заостряя проблему идентификационного выбора, когда прежние идентичности индустриальной эпохи уступают место новым, еще не ведомым истории.

Нельзя обойти вниманием и **ролевые теории**, в которых идентичность провозглашают результатом принятия какой-либо роли, усвоение которой с необходимостью порождает соответствующую идентичность; по сути, как отмечает С.Шостак, ролевая теория сводит идентичность к определенной социальной роли, не оставляя тем самым индивиду иного выбора [15, с. 113, 120]. Скажем, А.Ручка усматривает ограниченность ролевых теорий и в том, что индивидуальная идентичность в рамках данного направления теоретизирования превращается в сугубо социальную идентичность, являющуюся продуктом смены репертуара социальных ролей и формирующуюся только внешними влияниями [16, с. 50]. Западные социологи выделяют здесь несколько ответвлений. Одни ученые предполагают, что идентичность следует из ожиданий, связанных с социальными ролями, которые обычно интер-

нализируются в процессе социализации; другие утверждают, что люди конструируют идентичности скорее исходя из материалов, которые нам представляются в процессе социализации или в разных ролях. Работы Э.Гоффмана поднимают важный вопрос, который не могут решить представители ни одного из перечисленных течений, а именно: существует ли истинная самость/идентичность среди того количества масок, которые люди демонстрируют другим [7, с. 229]. В последнее время ролевые концепции идентичности все чаще критикуются как в отечественной, так и в зарубежной социологии; наиболее радикальные утверждения критиков заключаются в предложении вообще элиминировать из социологии понятие социальной роли в пользу концепции идентичности [16, с. 89]. Для нашего контекста исследования идентичности важным представляется замечание Дж.П.Хьюитта о том, что понятие роли является вялым и неживым; относительные рамки идентичности, как он считает, задает не непосредственно ситуация или роль, а скорее общность — совокупность реальных или воображаемых других людей, с которыми индивид разделяет ощущение сходства и общей цели. Быть идентичным под таким углом зрения означает отождествлять себя с определенной совокупностью других людей, ощущать родство с ними и иметь похожие мнения и взгляды [17, с. 120].

Не ставя перед собой цель умножить список парадигм и направлений, в которых идентичность рассматривается в соответствии с их спецификой, мы лишь хотели привлечь внимание в основном отечественных социологов к тому, что требованием хорошего научного тона сегодня является социологический анализ любого социального процесса или явления с позиций конкретного теоретического подхода. Собственно поэтому мы и начали рассмотрение проблемы идентичности с краткой аналитической справки, свидетельствующей о наличии таких подходов — будь то в рамках отдельных парадигм или же как совокупности теорий в рамках определенного направления — и, таким образом, создать пространство выбора для социолога. Добавим только, что в последнее время в Украине предпринимаются попытки создания классификаций теорий идентичности, свидетельствующие о множественности возможностей выбора определенного вектора ее социологического анализа. В украинской социологии обобщенные теоретические основания толкования проблемы идентичности можно найти в работах А.Ручки, С.Шостак, А.Мусиездова и некоторых других [15; 16; 18]. Интересную попытку хронологического размежевания видения идентичности в середине и в конце XX века осуществляет в своей диссертации Т.Бурейчак. Она называет первую группу подходов условно модерными, а вторую — постмодерными и выделяет в целом пять различий между ними [19, с. 9].

Но, к сожалению, в целом в украинской социологической мысли последних лет попытки артикуляции методологического кредо исследователя в анализе идентичности остаются единичными. Назовем некоторые из них. Прежде всего следует назвать две публикации, посвященные потенциалу структурно-деятельностного подхода в анализе современного украинского общества сквозь призму идентичностей его членов. В статье Е.Злобиной и А.Резника по проблемам гражданского пространства Украины справедливо указано, что кризис идентичности, диагностированный многими украинскими и зарубежными исследователями постсоветских трансформаций, отражает деструкцию определенных элементов социальной структуры [20, с. 179].

Аналогичные положения содержатся и в статье А. Мусиездова, практически полностью посвященной выяснению возможностей адекватного понимания современных трансформаций социальной структуры украинского общества через изменения идентичностей. Он предлагает рассматривать идентичности как своего рода произвольные “знаки” или “эффекты” социальной структуры, служащие индикаторами социальных позиций и имеющие интериоризированную субъективную природу. Отсюда логично предположить, что на основе изучения изменений идентичностей как представлений о социальном пространстве исследователь может также судить об изменениях социальной структуры. Осуществленные в этой плоскости исследования позволили ему сделать важный вывод о том, что социальную трансформацию постсоветского украинского общества целесообразно определять как изменение “в направлении” к дифференциации общества и к более дифференцированному его восприятию, отвечающему изменившимся общественным отношениям собственности, занятости, власти и престижа [18, с. 279–281; 305].

Впрочем, не все социологи склонны непосредственно связывать социальную идентификацию и качество социальной структуры; наши российские коллеги, например, считают, что представления о процессах стратификации, описанные в терминах социальной идентификации, свидетельствуют скорее не о том, где находится общество на шкале объективных достижений, а о том, есть ли у него внутренний потенциал для адаптации к изменениям и для развития [21, с. 104] (или, другими словами, свидетельствуют скорее о наличии или слабости социального капитала, а это, в свою очередь, должно подтвердить плодотворность анализа идентичностей в пространстве теорий социальной разнородности капитала). Л. Ионин предлагает несколько иную, в структурном плане, исследовательскую стратегию: поскольку идентификации являются институционализированными, то есть связанными с основными институтами, и проявляются через соответствие поведения институциональным требованиям и соответствующую реакцию этих институтов, имеет смысл проследить, каким образом разрушение или резкое и содержательное изменение институтов, в рамках которых происходила социализация индивидов, вызывает массовую потерю идентичностей, в масштабах всего постсоветского общества [22, с. 3]. Считаем, что к указанным рассуждениям и предложениям следует прислушаться социологам, работающим в обществах бывшего СССР.

Итак, хоть и с некоторыми оговорками, можно утверждать о некоторых позитивных сдвигах в постсоветском пространстве в направлении разработки целостного дизайна социологических исследований идентичностей в рамках конкретного общетеоретического направления и с соответствующим использованием его инструментария. Правда, нельзя игнорировать довольно хлестких замечаний С. Шостак по поводу того, что структурализм в научной среде Украины занимает достойное место в социологическом мышлении, “с которого его ничто не может сдвинуть вот уже несколько десятков лет”, и что “структурализм является, по крайней мере для нашего недопостмодерного общества, последней познавательной возможностью” [15, с. 121]. Однако конструктивистские теории имеют свой познавательный потенциал для исследований идентичности в социологии, поскольку жестко не привязаны к макроструктурным изменениям.

На наш взгляд, идентичности можно исследовать разными путями, и некорректны в научном плане попытки обеднять арсенал социологии каки-

ми-либо одними научными предпочтениями в ущерб другим. Кстати, социологи из Оксфорда отнюдь не исключают эвристического потенциала структурализма и постструктурализма, когда рассматривают значение языка и репрезентаций для идентичностей. Более того, они считают эти исследования не менее плодотворными, чем достижения символического интеракционизма: представители структурализма и постструктурализма, по их мнению, убедительнее акцентируют основополагающую или формообразующую роль языка и репрезентаций для конструирования идентичности [7, с. 288]. Мы, со своей стороны, являемся убежденными сторонниками применения социокультурного подхода в социологическом анализе идентичностей, но совсем не исключаем использования других стратегий исследования этого феномена, поскольку чем больше делается попыток постичь определенный процесс или явление, тем более полное представление о нем складывается в науке.

Прежде чем приступить к изложению основных положений, касающихся возможностей и потенциалов использования социокультурного подхода в анализе проблемы идентичности, следует обосновать целесообразность выбора такого исследовательского приема (может быть, метода!!!). По нашему мнению, идентичности по своей природе являются преимущественно социокультурным духовным образованием и базируются на определенных ценностях — стержнях культуры, роль которой в современном мире неуклонно возрастает. Социокультурное понятие идентичности синтезирует культурные модели и их проекцию на социальные отношения. Поэтому можно согласиться с утверждением И.Семененко, что именно идентичность оказывается сегодня в центре меняющейся социокультурной реальности; именно она объединяет звенья триады “личность–общество–культура” [5, с. 9]. Многие социологи дальнего зарубежья разделяют подобное убеждение; например, в монографии, посвященной идентификациям и конфликтам в современном западном обществе ее авторы подчеркивают плодотворность использования именно социокультурных дискурсов понимания идентичности [23, с. 5–6]. Возрастание значения культурной составляющей идентичности акцентируют авторы коллективной монографии о междисциплинарных подходах к изучению идентичности, утверждающие, в частности, что язык и другие культурные коды являются отныне центральными для внутренней идентичности так же, как и для нашего ощущения принадлежности к общности или группе и нашей коллективной идентичности [24, с. 1–4]. В другой подборке трудов в качестве одного из примеров тесной взаимосвязи культурной и социальной компонентов идентичности приведена ситуация, когда культурные факторы идентичности (язык, манера одеваться и питаться и т.п.) выступают признаком принадлежности к определенному социальному классу [25, с. 18]. Вспомним, что отдельная работа П.Бурдьё “Различие” полностью посвящена подобного рода взаимодействиям.

Как среди отечественных, так и среди зарубежных социологов крепнет убеждение, что практически все современные идентичности являются социокультурными по своим признакам, содержанию и характеру. К примеру, М.Губогло пишет, что фактически все идентичности (кроме гендерной и частично этнической) принадлежат к классу социокультурных явлений [3, с. 46]. Заметим также, что С.Хантингтон опосредованно опровергает подобные утверждения, ссылаясь на то, что в современном мире человек свободен

в выборе любой идентичности, и если ранее считалось, что происхождение, пол и возраст жестко фиксированы, то теперь их часто выбирают, изменяют или отрекаются от них. Проблема для Хантингтона — не выбор среди идентичностей, а способность индивида воплотить их в свои жизненные социокультурные практики [26, с. 22–24]. По убеждению А.Ручки, идентичность — это сложный социокультурный феномен, образующийся в результате как социализации, так и культурализации [16, с. 45, 92].

В ином свете предстает скептический вывод С.Шостак с появлением коллективной монографии ученых Института социологии под редакцией А.Ручки “Социокультурные идентичности и практики” [27], поскольку в ней идентичности рассматриваются в рамках социокультурного подхода, который позволяет в равной мере плодотворно изучать индивидуальные, групповые, социетальные идентичности, успешно применяется к микро-, мезо-, макро- и даже мегаструктурам.

Отдавая должное авторам указанной монографии, позволим себе развить ее отдельные положения, используя, наряду с этим, наши ранее высказанные идеи. Кратко напомним наиболее принципиальные из них, непосредственно относящиеся к проблеме идентификаций. Социокультурный подход, по нашему мнению, является общенаучным для совокупности социогуманитарных дисциплин; специфика его социологического варианта заключается в анализе общественных феноменов сквозь призму соотношения социальной и культуры в его конкретно-исторических формах. Культура является основной качественной характеристикой конкретного социума и выполняет двоякую функцию: с одной стороны, помогает цементировать общественную жизнь на базе культурных универсалий, интегрирует ее составляющие в определенную целостность, придает ей определенности и таким образом служит почвой для определенной социальной системы; с другой — культурные инновации, воплощенные в новые культурные программы, выступают возбудителями социальных изменений. Поэтому в соотношении культурного и социального, культурных программ и социальных отношений в рамках общества–системы более динамичным, подвижным, креативным внутренним фактором общественного развития оказываются первые, тогда как вторые представляют собой относительно консервативные и производные феномены общественной жизни. К тому же конец XX и начало XXI веков характеризуются формированием сложных общественных социокультурных систем (внутри конкретного социума) и суперсистем (на международной арене), а также усилением роли культуры в общественном развитии [1].

Что касается применения очерченных положений к проблеме идентичности, сразу же следует сослаться на выводы из теоретического введения А.Ручки к упоминавшейся коллективной монографии о социокультурных идентичностях и практиках, написанной сотрудниками Института социологии НАН Украины. Для нашей статьи принципиальное значение имеют те идеи, аргументация которых содержится непосредственно в тексте книги. Это, во-первых, положение о том, что идентичность является сложным социокультурным феноменом, в котором выделяются личностные, социальные и культурные аспекты. Следовательно, идентичность формируется в определенном социальном пространстве, где взаимодействуют разные социальные акторы. Отсюда идентичность является как продуктом, так и элементом социального взаимодействия. Каждая идентичность связана с опре-

деленной культурой, ценности и образцы которой интернализируются в процессах социализации и культурации. Благодаря этому культура общности служит важным источником социокультурных идентичностей и идентификаций. Во-вторых, идентичность — это всегда продукт сложных взаимоотношений объективного и субъективного, внешнего и внутреннего. В-третьих, в рамках индивидуальной идентичности нужно различать “Я-идентичности” (то есть то уникальное, что отличает людей друг от друга) и “Мы-идентичности” (или то, что у этих людей является общим). Без “Мы-идентичностей” не существует ни одной “Я-идентичности”, но в каждом конкретном случае возникает эмпирический вопрос о балансе между ними. В-четвертых, нужно проводить четкое видовое размежевание между индивидуальными и коллективными идентичностями. В-пятых, формирование индивидуальных и коллективных идентичностей происходит на основе культурно-символических кодов, которые могут быть эссенциалистскими или конструктивистскими. Конструктивистский подход к пониманию и формированию социокультурных идентичностей превалирует в развитых странах “первого мира”; в транзитных обществах “второго мира” (к которым принадлежит и Украина) он тоже доминирует, однако эссенциалистская стратегия формирования идентичностей здесь еще сохраняет свою традиционную значимость; в странах “третьего мира” в целом преобладает эссенциалистский подход, хотя зажиточные и просвещенные слои населения (элита) часто исповедуют конструктивизм [16, с. 92–93].

Придерживаясь двухкомпонентной логики указанных работ, прежде всего попробуем показать, что соотношение индивидуального, социального и культурного аспектов идентичности, а также “Я” и “Мы-идентичностей” имеет конкретно-исторический характер и отличается в трех типах обществ: традиционном (аграрном, доиндустриальном, премодерном), индустриальном (капиталистическом, модерном, индустриально-модернистском), постиндустриальном (постмодерном, информационно-глобалистском). Разумеется, мы разделяем мнение исследователей о сложности корректного размежевания социальной и культурной составляющих и исторического процесса в целом [28, с. 1], а также идентичностей как таковых, но мы уже аргументировали свою позицию относительно конкретно-исторического характера взаимодействия социальности и культуры; в настоящее время дело за конкретизацией этого утверждения на примере проблемы идентичности.

Итак, древнее (традиционное) общество можно считать простой социальной системой, относительно гомогенной и расположенной в определенном географическом пространстве; вследствие жестко фиксированной иерархической структуры, прочности социальных институтов и укорененности традиций ей была присуща низкая социальная мобильность. Эта система состояла из социальных пространств, населенных социальными общностями типа гемайншафт (по терминологии Ф.Тенниса), которые выступали источником стабильности социального положения ее членов и продуцировали устойчивые социальные статусы [см. также: 29, с. 63]. Последние формировали набор заведомо заданных социальных ролей, образующихся из ограниченного числа идентичностей, преимущественно примордиалистских и слаборефлексируемых. Можно предположить, что идентичности этого времени были, как правило, одинарными, пожизненными, неизменными, внутренне недифференцированными, а носители их в основном были объектами

идентификационного влияния со стороны социальных институтов и нормативных систем. Среди идентичностей преобладали групповые/коллективные, хотя уровень рефлексивности групповых интересов был еще также низким [5]. Идентичности и идентификационные практики совпадали. Что касается культурных пространств, то они были тонкой пленкой с изнанки социальных пространств и полностью определялись последними; это обуславливало и дисбаланс внутренней структуры идентичностей с доминированием социального компонента. Гиперразвитость этой социальной составляющей идентичностей в традиционном обществе поддерживалась культурной составляющей — производной от местных культурных традиций и культурных универсалий, направленных на сохранение постоянства этого типа системы, что в итоге и обеспечило ее длительное существование. Таким образом, в традиционном обществе идентичность не была проблемой, поскольку не знала ни кризиса, ни изменений [см. также: 30].

Идентичность проблематизируется в эпоху Модерна (или индустриального общества), с тех пор, как начинают функционировать сложные социальные системы, все более гетерогенные и мобильные. Их сущностной чертой становится единство и совпадение географического и социального пространств, национальных государств, национальных культур и идентичностей; это состояние достигалось по мере формирования национальных государств в Западной Европе. Общности типа гемайншафт в этой системе уступают место рационализированным союзам типа гессельшафт, в которых усиливается дифференциация социальной структуры и неравенство социального положения их членов. Хотя детерминирующее влияние социальных институтов на формирование социальных статусов, социальных ролей и норм сохраняется, границы последних постепенно расширяются. Это было обусловлено тем, что культура постепенно становилась все более самостоятельной, а также созданием культурных пространств, приобретающих все большую автономию. Рефлексивность начинает вытеснять традиционалистский способ мышления и поведения, а индивидуальная идентичность — преобладать над групповой; но обе все еще остаются преимущественно социальными по своей природе. Э.Гидденс подчеркивает, что в цивилизациях до эпохи Модерна рефлексивность, в значительной мере, ограничивалась традицией, тогда как в современный период она уже включена в основания самовоспроизводства системы [31, с. 104]. В обществах данного типа человек, как правило, имеет небольшой набор идентичностей — более широкий, чем в традиционных обществах, но, особенно на ранних стадиях развития такого рода систем, все же социально ограниченный. Стабильность идентичности из-за ослабления социальной укорененности начинает понемногу расшатываться, а ее целостность при этом подвергается все более сильным атакам, хотя в целом даже в сложных социальных системах идентичность и далее остается образованием относительно устойчивым и преимущественно нерасчлененным. Идентификационные влияния приобретают субъект-объектный характер в том смысле, что личность остается еще далеко не свободной в выборе желаемых идентичностей, однако формирование культурного пространства постепенно расширяет арсенал возможностей, особенно в период позднего Модерна. Эти возможности еще далеко не всегда сопровождаются воплощением идентичностей в идентификационные практики, поскольку этому препятствует социальное расслоение и

классовая поляризация; все это в совокупности порождает проблематизацию идентичности, а на заключительной стадии развития этой системы приводит к ситуации кризиса. В такого рода системах культурная составляющая идентичности ужесточает свое присутствие, но еще уступает по своему месту и удельному весу социальным компонентам.

Наконец, эпоха Постмодерна (или постиндустриального, постэкономического, посткапиталистического, постдефицитного, постбуржуазного, информационного, потребительского и т.п. общества) означает начало формирования сложных социокультурных систем, в которых идентичность проблематизируется радикально. Эта радикальность обусловлена прежде всего влияниями глобализации, кардинально изменившими контекст, содержание и характер процессов идентификации, их конфигурацию. Это дало повод отдельным исследователям утверждать, что глобализация и кризис идентичности взаимно определяют друг друга [32, с. 69]. Но это — лишь одна из версий толкования этого сочетания, базирующаяся на положении о глобализации, определяющей процессы вплетения национальных государств с их суверенитетом в паутину транснациональных акторов и подчинения их властным возможностям, ориентациям и идентичностям последних.

Мы же скорее склоняемся к более широкому варианту взаимосвязей указанных понятий и признаем более привлекательным рефрен мелодий М. Кастельса, все громче звучащий в его работах последнего времени. Двумя символами современности, силами, которые структурируют зарождающийся новый мир, он называет глобализацию и идентичность [цит. по: 33, с. 14]. Это в лапидарной форме отражает суть эпохи, которая началась с XXI века, ведь если раньше обычно не видели альтернативы экспансии глобализации, то начало этого столетия определенно указывает на силу сопротивления массовой унификации, и этой силой является собственно идентичность.

То есть сложные социокультурные системы характеризуются возрастанием внутренней дискретности и гетерогенности, одним из важнейших проявлений которых является разрыв географического, социального и культурного пространств и образование их новых конфигураций. Исследователи этого вопроса подчеркивают, что этим пространствам имплицитно присуща способность как к расширению, так и к сокращению. В первом случае речь идет об образовании новых транснациональных социокультурных пространств, перечень которых постоянно растет, во втором — наоборот, об их фрагментации и локализации.

Мало того, происходит и реконфигурация указанных пространств, изменение соотношения их удельного веса, поскольку признаком современности является исчерпанность господствующей роли социального начала, преобладавшего еще в обществе индустриально-модернистского типа [24, с. 49], а отсюда и крах человека общественного [34, с. 68]. Разумеется, приведенные высказывания слишком радикальны, однако они отражают суть одной из ведущих тенденций современного мирового развития на рубеже XX и XXI веков.

Рассмотрим детальнее каждое из этих утверждений. У. Бек цитирует известного представителя социологии культурной глобализации А. Аппадураи, который выделяет пять измерений, образованных этими новыми социокультурными пространствами: этно-, техно-, финансо-, медиа- и идеоландшафты [13, с. 99]. Именно они в дальнейшем становятся строительными блоками “воображаемых миров” и “воображаемых общностей” и открывают со временем

нового типа пространство для многообразных комбинаций, из которых возникают разные коллекции групповых идентичностей. И хотя исследователи по инерции еще продолжают называть такие феномены транснациональными социальными пространствами, перечень их составляющих позволяет утверждать, что они приобретают качество социокультурных. Так, известный западный социолог, осуществляющий теоретический и (что очень важно) эмпирический анализ указанных феноменов, Л.Прис определяет транснациональные пространства так: это плюролокальные поля деятельности, которые структурируют повседневный жизненный мир, социальные позиции, трудовые траектории, биографии и человеческую идентичность; эти поля существуют над и вне социальных контекстов национальных обществ [35, с. 374].

Соответственно и жители этих новых пространств образуют социальные общности нового типа; У.Бек называет их транснациональными общностями, основывающимися на религии, знании, стиле жизни, политической ориентации и т.п. [13, с. 70]. Как видим уже из этого перечня, основными маркерами данных общностей становятся разновидности отвечающих им социокультурных образований. В попытках переопределения указанных образований Бек вынужден обратиться к общностям типа гемайншафт (по терминологии Ф.Тенниса), распространенным в простых социальных системах и сменившимся рационализированными союзами типа гессельшафт в сложных социальных системах. Он и некоторые другие исследователи (прежде всего Р.Робертсон) вводят в научный оборот также новый термин “глокализация” для определения глобализации локального с присущей ей фрагментацией, когда разрушается, например, непосредственное (локальное) соседство, но одновременно укрепляется “соседство” транснациональное (глобальное). Локальные общности глобализируются, возникают связи и общности глокальности; глокализация продуцирует новые, неизвестные ранее общности [13, с. 93–94]. Новое качество этих общностей заключается еще и в том, что они не предполагают прямых контактов между людьми, зачастую оказываются виртуальными или воображаемыми. Впрочем, термин “воображаемые”, введенный Б.Андерсеном относительно наций, все же имел хоть какие-то объективные социокультурные референты; теперь же новизна проявляется и в том, что такие референты вообще становятся ненужными. Далее, если общности прошлого были тесно спаянными и социально сплоченными вследствие раннего и сурового приобщения к культуре и исторической памяти и их усвоения, то теперь, по мнению М.Бенедикта, эти воображаемые или виртуальные общности являются хрупкими и недолговечными, основанными на социальной гибкости и способности забывать [цит. по: 34, с. 27–28].

Что касается сужения социальных пространств в результате глобализации, то оно происходит повсеместно и с возрастающей силой. Особенно ярким примером служит сужение социальных пространств и сокращение зон социального взаимодействия в городах. Это влечет за собой разрушение бывших городских общностей и превращение городского населения, по удачному выражению З.Баумана, в пучок болтающихся обрезанных веревок [34, с. 39]. Выход из этого положения, например, М.Кастельс усматривает в опоре на общности типа комьюнити, вокруг которых выстраиваются идентичности сопротивления глобализации [36, с. 292]. Таким образом, реинкарнация общностей с социокультурными характеристиками сопровождается присоединением к ним общностей-комьюнити и ужесточает комью-

нитарное движение как одну из новых составляющих новейшего общества. В наше время уже эти глобальные и локальные социокультурные общности (реальные, виртуальные, воображаемые) влияют на формирование своих социокультурных пространств и являются основным пунктом ориентации и резервуаром обоснования, становления и обновления идентичностей.

Поэтому приходится признать, что указанные процессы уменьшают силу сугубо социальной укорененности населения, что сопровождается также слабостью и бессилием социальных институтов, общим падением их значимости, превращением многих из них в “институты-пустышки” (по выражению Э.Гидденса). Однако он и другие социологи фиксируют состояние, когда новые, приспособленные к кардинально изменившимся условиям социальные институты так и не возникают [29, с. 51; 34, с. 88]. Все это свидетельствует о становлении все более индивидуализированного общества, в котором индивидуализация жизни приводит к ослаблению коллективности и солидарности. С другой стороны, все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют усилению независимости индивида от общества. О десоциализации общественного и культуризации социальности свидетельствует и факт неуклонного распространения многих общественных движений и групп, образованных скорее на культурных, нежели стратификационных основаниях, в мультикультурном пространстве [15, с. 107].

В совокупности эти далеко идущие изменения под влиянием глобализации в пределах сложных социокультурных систем детерминируют процесс новой всемирной стратификации и новой поляризации, в ходе которого выстраивается новая, социокультурная по характеру, иерархия — охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся. Эта всемирная общественная лестница без национальных границ строится на делении людей на глобальных богатых и глокальных бедных; по выражению З.Баумана, происходит перераспределение привилегий и бесправия, богатства и нищеты, ресурсов и бессилия, власти и безвластия, свободы и ограничений [34, с. 101].

В социокультурных системах указанного типа происходят и другие изменения основ идентификационных процессов, в частности, возврат к традиционным местным/локальным культурам и традициям, но на качественно новой ступени. Э.Гидденс специально посвятил отдельную лекцию в своем известном цикле передач 1999 года на BBC новому прочтению традиции, а также главу об усилении рефлексивности в монографии 1996 года. “Последствия модернити”. В них он обосновывает два важных тезиса: во-первых, о ренессансе локального без опоры на давнюю традицию и “нетрадиционности” современных традиций; во-вторых, о все более важной роли рефлексивности начиная со сложных социальных систем и заканчивая доминированием их в сложных социокультурных системах рядом с обновленными традициями [29, с. 59–61; 31, с. 104].

Таким образом, в сложных социокультурных самовоспроизводящихся и саморазвивающихся системах коренным образом меняются объективные предпосылки и рамки процессов идентификации. Их влияние на обретение идентичностей, а также общие тенденции идентификационных процессов в концентрированной форме можно выразить в следующих терминах.

Уменьшение удельного веса социальности, утрата глубокой социальной укорененности и формирование социокультурной реальности существенно изменили содержание и ход идентификаций. Если раньше идентич-

ность была результатом влияния социальных структур и институтов, то теперь она, во-первых, сама оказывается все более способной структурировать весь мир, а во-вторых, все чаще образуется под влиянием культурных факторов. Распад зоны социального, упадок социальных институтов, размывание социальных групп происходят параллельно с расширением транскультурных пространств, транскультурных форм коммуникации, жизни, представлений, идентичностей, с формированием культурно обусловленных общностей и движений и т.д. По выражению З.Баумана, из глобальной пряжи выделяются культурные символы и ткуются разнообразные идентичности [цит. по: 13, с. 102].

Эти идентичности теперь тоже наделены способностью расширяться и сужаться. С.Хантингтон в связи с этим замечает, что благодаря достижениям техники люди гораздо чаще взаимодействуют с представителями разных культур и цивилизаций и одновременно могут идентифицировать себя с теми, кто находится географически далеко от них, но принадлежит к схожим языковым, религиозным и культурным группам (как, скажем, мигранты). В итоге возникает широкая наднациональная идентичность [26, с. 13–15]. Расширенная транснациональная идентичность может быть присуща и глобальным богачам; тогда речь идет об элитарной идентичности. Тогда как суженная идентичность становится участью прежде всего локальных бедных; З.Бауман приводит пример идентичности жителя местного гетто [34, с. 179]. В целом суженные идентичности стали более личностными и свойственными определенным локальным общностям и группам. Рядовые люди чаще идентифицируют себя с субнациональными культурными (религиозными) группами, группами общих традиций и исторических мифов. Фрагментация идентичностей и их множественность мирно сосуществуют и в рамках такой группы, и во внутреннем мире индивида.

Трехкомпонентная структура современных идентичностей (как индивидуальных, так и групповых) модифицируется в целом в направлении усиления индивидуальной и культурной составляющих, с одной стороны, и утраты былой силы социальной составляющей, что является отражением объективных глобальных трансформаций и процессов глокализации, — с другой. Личность становится субъектом идентификационного выбора и присвоения идентичностей. Усиливается рефлексивность идентичностей и путей их обретения и изменения. И.Семененко замечает: происходит как конструирование качественно новых идентичностей, неизвестных в прошлом, так и усиление первичных, примордиальных идентичностей, или постоянных элементов традиционалистских культурных моделей [5].

Наши западные коллеги в своих работах особо подчеркивают тезис о принципиальной невозможности стабильной идентичности в современных условиях: и на индивидуальном, и на коллективном уровне опасно воспринимать идентичности как устойчивые и раз и навсегда данные — их следует воспринимать как изменчивые, нестабильные и согласуемые [37]. Идентичность не может быть статичной; теперь уже речь идет о возможности обретения на определенное время наиболее комфортной или модной идентичности. Рамки идентичности размыты и сложны, они изменяются с рождения до смерти индивида. На заре XXI века прежние границы меняются, исчезают, возникают новые, что требуют постоянной переоценки и реструктуризации идентификации. Такая изменчивость постоянна [25]. Ныне индивидуаль-

ные и коллективные идентичности открыты для непрерывного пересмотра. Это обусловлено циркуляцией культурных значений, что провоцирует непрерывные изменения идентичностей [23].

Российские социологи отмечают специфику формирования идентичностей в начале XXI века, а также осуществляют плодотворные попытки аппликации западных концепций на современное российское общество. В частности, В.Ядов и Е.Данилова утверждают, что наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности, становление контекстуально-лабильной идентичности как нормы самоопределения личности в социальном пространстве сообществ нового тысячелетия. То есть контекстуально-лабильную идентичность они наделяют статусом социальной нормы; это касается и современных западных, и постсоветских обществ [38, с. 30].

В украинской социологии анализ идентичностей с позиций социокультурного подхода только начинается и потенциально весьма плодотворен, поскольку наше общество представляет собой уникальную смесь элементов простых и сложных социальных и социокультурных систем, а значит, в нем возможны любые варианты выбора своей самости. Остается лишь пожелать отечественным социологам активнее вести научный поиск в русле неисчерпаемых мелодий человеческого самоопределения.

Литература

1. Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 92–103; Черныш Н., Ровенчак О. Основные понятия и положения социокультурного подхода и специфика применения их в социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 1. — С. 37–53.
2. Арбенина В. Над чем работают социологи Украины (по результатам контент-анализа материалов “Харьковских социологических чтений”) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 1. — С. 166–176.
3. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. — М., 2003.
4. Kofler A. Migration, Emotions, Identities. The Subjective Meaning of Difference. — Wien, 2002.
5. Семеновко И.С. Социокультурное пространство как объект анализа // ПОЛИС. — 2003. — № 1. — С. 5–23.
6. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 249–260.
7. Scott J., Marshall G. Oxford Dictionary of Sociology. — Oxford, 2005.
8. Лев С. Соціологія постмодернізму. — Львів, 2003.
9. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 448–464.
10. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 126–162.
11. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 185–222.
12. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 340–371.

13. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М., 2001.
14. Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П.Бергера, С.Хантингтона. — М., 2004. — С. 8–24.
15. Шостак С. Ідентичність як проблема соціологічного теоретизування // Соціальні виміри суспільства. — К., 2002. — Вип. 5. — С. 107–122.
16. Ручка А. Орієнтири концептуалізації ідентичності // Соціокультурні ідентичності та практики / За ред. А.Ручки. — К., 2002. — С. 10–97.
17. Geist B. Sociologicky slovník. — Praha, 1992.
18. Мусиездов А.А. Социальная трансформация сквозь призму изменения идентичностей в украинском обществе // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание. — Харьков, 2004.
19. Бурейчак Т.С. Конструювання гендерних ідентичностей в дискурсах реклами : Автореф. дис. ... канд. соціол. наук. — Львів, 2007.
20. Злобина Е., Резник А. Гражданское пространство Украины: степень идентификации и факторы консолидации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С. 177–194.
21. Оберемко О. Популярность социально-структурной идентификации: ресурс или компенсация? // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 4. — С. 94–112.
22. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // СОЦИС. — 1995. — № 4. — С. 3–13.
23. Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction / Ed. by R.D.Ashmore, L.Jussim, D.Wilder. — Oxford, 2001.
24. Social Identities. Multidisciplinary Approaches / Ed. by G.Taylor, S.Spenser. — L.; N. Y., 2004.
25. A Question of Identity / Ed. by A.J.Kershen. — Aldershot; Singapore; Sydney, 1998.
26. Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. — N. Y.; L.; Toronto; Sydney, 2004.
27. Соціокультурні ідентичності та практики / За ред. А.Ручки. — К., 2002.
28. Лурье С. Социокультурная динамика России: к вопросу о теоретических предпосылках исследования // Вестник МГУ. — 1998. — № 5. — С. 1–9 (<http://SvLourie.narod.ru/articles/ahiezer.htm>).
29. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М., 2004.
30. Воронай Т. Ідентичність в соціальної антропології Дугласа Келлнера // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2000. — № 2. — С. 43–50.
31. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 101–122.
32. Шинкаренко Ю. Ідентичність і життєвий світ у контекстах сучасних цивілізаційних змін // Філософська думка. — 2002. — № 1. — С. 68–83.
33. Мартен Д., Мецжер Ж.-Л., Пер Ф. Соціологія глобалізації. — К., 2005.
34. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М., 2004.
35. Пріс Л. Руйнування соціального і географічного простору. Міграція між США та Мексикою і виникнення транснаціональних соціальних просторів // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика : Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укл. І.Кононов, В.Бородачів, Д.Топольськов. — Луганськ, 2002. — С. 358–379.
36. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. — М., 1999. — С. 292–308.
37. Toleration, Identity and Difference / Ed. by J.Horton, S.Mendus. — Hampshire; N. Y., 1999.
38. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма временных обществ // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 27–30.